

18+

Сергей Перминов

122,0

МОНОЛОГИ С ТОГО СВЕТА

Сергей Перминов

122,0. Монологи с того света

«Издательские решения»

Перминов С. С.

122,0. Монологи с того света / С. С. Перминов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969847-6

С 29 на 30 июня (а война в Заполярье началась неделей позже), на высоте 122,0 хребта Муста-Тунтури наши бойцы уничтожили австрийскую разведгруппу вермахта. Но в рукопашном бою погибли и они. Что случилось с оставшимися — узнаете из этих документально-художественных рассказов.

ISBN 978-5-44-969847-6

© Перминов С. С.
© Издательские решения

Содержание

ПАВЕЛ	6
А ЕСЛИ МЫ...	8
ЭДУАРД	11
СЕРЖАНТ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

122,0
Монологи с того света
Сергей Сергеевич Перминов

© Сергей Сергеевич Перминов, 2019

ISBN 978-5-4496-9847-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАВЕЛ

Долго мы искали его, но ведь нашли всё же! Сколько пришлось поспорить со своими ребятами из поискового отряда! Да только я оказался прав – огромный каменюжище не рассыпался за эти десятилетия. Только чуть надкололся. Всю 122 высоту облазили, но нашли!

А началось со снимка, который мы нашли в интернете. Сколько гулял он там – неизвестно. Снимок страшный сам по себе. Вернее, их несколько: как вели на расстрел, как они держались перед смертью, как расстреляли... Но этот самый пронзительный. Тот, где им показывают куда встать. На последнем снимке, где уже расстреляли, видно, что получив свой свинец они инстинктивно рванулись друг к другу. Так и упали лицом к лицу. Это фото, снятое возможно за две-три минуты до смерти, бьёт наотмашь. Один, тот который в шинели, видимо осознав неизбежность, спокойно смотрит туда, где в последний раз вдохнёт чистый воздух Заполярья, где в последний раз увидит светлую как день белую ночь. И своих палачей. Но сержант!!! Руки в боки, смотрит командиру егерей с прищуром в глаза, как бы ещё продолжая прицеливаться. Смотрит в упор. Не отводя взгляд. Именно в лицо. В лицо человека, которого сюда не звали. Который пришёл сам. Да ещё с оружием в руках. Зная, что будет убит, сержант заранее знает и судьбу этого обер-лейтенанта. И знает наверняка, что не осилит немец поставленную задачу.

Львиную долю в поисках казнённых на высоте не отнять и у нашего мурманского переводчика Дмитрия Дулич. Вгрызаясь в немецкую мемуарную литературу он нашёл таки, чертушка, и точно определил место, где были убиты два наших, захваченных в плен бойца. И когда рассказал нам о своих находках, то все поняли одно: здесь, на 122-й высоте, наших ребят приказал казнить обер-лейтенант Роде. Для поднятия упавшего боевого духа своих камрадов. Ведь иначе он и не смог поступить. Ясно, что егеря были потрясены произошедшим. Ведь за несколько часов боя рота потеряла 27 «охотников». Из списков егерей 136 полка 2-й горнострелковой дивизии корпуса «Норвегия» были вычеркнуты шестнадцать человек навсегда. И одиннадцать временно. Эта рота понесла потери в разы больше, чем весь батальон за прошлые кампании. Дима так и сказал:

– Ему как-то ж надо было оправдаться перед своими солдатами. Таких потерь за столь короткое время у них не было никогда!

Вот и сфабриковали срочно «военно-полевой суд». Короткий и безжалостный. Якобы за зверства учинённые нашими солдатами. И ещё за то, что русские не умеют воевать цивилизованно. По всем «правилам» войны они должны были тянуть «руки в гору». Ведь там, в Европе, в таких ситуациях люди сдавались. А эти, видите ли, не захотели. Вот и вся причина «военно-полевого суда»

Место казни мы нашли, как и ожидали, по тому огромному камню, что на снимке. Осмотрелись и стали искать, куда немцы могли деть тела после расстрела. Поблизости была ровная площадка, заросшая иван-чаем. У нас, поисковиков, есть точная примета. Почти без промаха: там, где растёт иван-чай – погиб человек.

Перелопатили всю поляну. И нашли кусок шинели, армейский ремень, ботинки, кошелёк с мелочью и – самое главное! – медальон. Настолько удачно сохранившийся, что один из расстрелянных стал известен сразу: Сергей Макарович Корольков. Тот, что на снимке в шинели. А вот сержант пока останется безымянным. Может егеря забрали его «смертный пенальчик», как сувенир. А если нет, то тогда он будет одним из тех, кто верил в дурную армейскую примету: если заполнить бумажку, вложенную туда, обязательно убьют. «Благодаря» этой дурацкой примете из двадцати тысяч, найденных поисковиками наших погибших бойцов, только пятьсот можно назвать по именам.

А вот про Королькова стало известно многое. Служил он в хозвзводе. До войны жил в посёлке Апатиты. Работал на горнодобывающем предприятии. К началу войны обзавёлся семьёй. Дочке шёл уже третий год. Может поэтому и заполнил он свою бумажку в пенальчике? Кто знает!

Нашли мы в Тверской области и родственников Королькова: дочь, шесть внуков, правнуки... Останки Сергея Макаровича отвезли к ним. Сейчас он похоронен на деревенском мемориале. Есть надежда, что на трофейном фото кто-то узнает и сержанта. И будет когда-нибудь назван по имени-отчеству тот, кто дерзко стоял под дулами автоматов и карабинов германских егерей. И перед Вечностью. Наш поисковый отряд «Заполярный рубеж» ждёт и надеется, что его узнают те, для кого он ещё «пропавший без вести».

Не подумай, читатель, ради бога, что Павел Вайгин, о котором сказано выше, тоже говорит с нами из-за той черты откуда не возвращаются. Жив он и здоров. И его поисковый отряд наверняка делает своё благородное дело. Дело, за которое ему очень много людей в нашей стране будут безмерно благодарны. Низкий поклон ему и нашим настоящим русским мужикам из его поискового отряда. Я тоже присоединяюсь и восхищаюсь их святым усилиям. Автор.

А ЕСЛИ МЫ...

Хорошо! Рассказал я о Павле Вайгине и его поисковиках из отряда «Заполярный рубеж» и... а что «и»? Цитировать найденные документы? Что получится? Нет, конечно для тех, кто изучает и любит историю, это очень нужный материал. Сомнению не подлежит. Согласен. А для простого читателя? Пусть жуткие и страшные факты вскрыты, только не все будут вчитываться в каждую букву этих документов внимательно. И упрекнуть их не получится. Многие из нас, – да я и сам не свят! – иной раз, вычленив для себя казалось бы самое важное, мельком пробегаем по тем страницам, которые, опять же по нашему убеждению, можно «проскочить». Так ведь? А мне захотелось глубже раскрыть тему этого расстрела. И осудить его, если понадобится.

– Ну, загнул! – возразит кто-то. – Дело-то когда было? Да и немцы сейчас не те. Вон, что с ними вытворяют арабские «гости». Терпят же!

Тогда возникает встречный вопрос: «Пусть это было очень давно, пусть. Судить, не судить это мы решим. А кто давал такое право тем парням из австрийских Альп судить наших ребят? Кто давал им право выносить смертный приговор пленным? Или по „цивилизованным“ европейским стандартам им всё можно, а нам нет? Они-де просвещённая часть цивилизации, а мы выходит дикари-азиаты?»

Тут вопрос за вопрос цепляется! Да, и по поводу просвещённости: при французском короле-солнце, как гласит историческая наука, вши у дам и кавалеров считались «божьими жемчужинами». Справлять нужду запрещалось только на клумбах и газонах Версаля. Дабы не портить «просвещённую» красоту. Поэтому двор переезжал периодически в другие замки и дворцы. Надо же было из версальских углов и закутков всё вытащить и вымыть! И так было не только во Франции. Уж что-что, а чума-то косила Европу периодически. И только там, где по балтийскому побережью жили славяне, эта зараза была случайностью. Потому, что наши предки мылись раз в неделю. А то и два. Не так, как «просвещённые» европейцы – раз в полгода. Бани у них считались дикарским «закидоном». Это я так, для лирического отступления.

Сколько раз Европа пыталась нам «впарить» свои ценности! Сейчас тоже пытается. И не только Европа. Не мытьём, так катаньем. Стоило только кое-кому помочь Германии встать с колен после первой мировой войны – возник план «Рыжая Борода». Знаменитый план «Барбаросса». Только многие германские солдаты были ошарашены, когда за два часа до атаки им объявили, что они будут драться с «дружественной» Россией. Это не фантазия. Это подтверждают их письма домой.

А вот офицеры были далеки от иллюзий. И в четыре утра июньского воскресенья началось принуждение нас к цивилизации. На западной границе СССР Гудериан и Гот своими танковыми армадами рвались к Минску и Смоленску, пробиваясь к Москве. А взятие Мурманска горными егерями Эдуарда Дитля, прекрасно подготовленными, великолепно экипированными, на девяносто процентов снаряжёнными автоматическим оружием, не такая уж сложная казалась задача. Хотя несомненно важная. Даже одна из важнейших! Взятие незамерзающего русского порта северной Европы сулило более быстрое уничтожение «колосса на глиняных ногах». И тогда все поставки наших союзников по антигитлеровской коалиции чётко накрывались медным тазом!

Если бы немцы в своё время смогли «резануть» по американским конвоям в Англию, то Черчилль, хоть и был умнейшей головой своего времени на Западе, войну с Германией продул бы. Точно. Тоже самое с захватом Мурманска: союзные конвои туда больше не придут. И тогда... Даже сейчас страшно подумать! Нам пришлось бы в сотни раз тяжелее. Так ведь? Пока удалось бы развернуть эвакуированные заводы за Уралом, пока они стали бы выдавать всё нужное для фронта...

Конечно же фюрер и один из его лучших друзей, генерал-лейтенант Эдуард Дитль, а они и в самом деле были друзьями – ещё с пивного путча в Мюнхене! – рассчитали всё правильно. Их мальчишки из горно-стрелкового корпуса «Норвегия» уже имели опыт боёв в такой местности. Им, в принципе, достаточно было для войны и тропинки. Не обязательно дороги. Плотность населения и войсковые части противника были намного меньше, чем те, что дрались против группы «Центр». И, как говорится в одной из пословиц, здесь русские имеют и дома пониже, и асфальт пожиже. Короче – воюй-не хочу! Если бы!

Всего в шестидесяти километрах от Мурманска им крепко дали по мусалам. На речке Западная Лица. В самый критический момент их остановили ополченцы. Буквально палками. Спасая город от захвата адмирал Головкин пошёл на риск: выпустил зеков из тюрем, дал им столько винтовок, сколько было. И отправил на помощь тем немногочисленным нашим частям, что с упорными боями отходили от границы. У них была всего одна винтовка на троих! Но ведь остановили же! Факт. А Лаврентий Павлович, Берия имеется ввиду, усмотрел в этом недопустительное самоуправство и хотел подвести адмирала «под монастырь». Только Сталин сказал ему примерно так:

– Лаврентий! Головкин держит врага. Не отдаёт ему Мурманск. Хотя уже взяты Минск и Смоленск. Победителей не судят! Иди занимайся другими делами. У тебя их много.

Другая территория, захваченная егерями, составляла всего несколько метров от границы. Но были места, где им не дали и этого пройти! Так все четыре года и дрались. Практически на одном месте. До сорока четвёртого. А потом попёрли «гостей» обратно. Да так, что в Норвегии их потрепали, как Бобик грелку!

А как всё было великолепно запланировано, о!

- Корпус «Норвегия» за три дня захватывает Мурманск.
- На стадионе «Пищевик» – парад победителей.
- Каждый солдат получает по 1000 рейхсмарок премии.
- В гостинице «Арктика» банкет для офицеров корпуса.
- Всем участникам штурма города – месячный отпуск в фатерланд.
- И – самое главное! – город на три дня отдаётся егерям. Как приз.

А что особенного? По всем законам европейских войн это нормальное явление. Стоило за это повоевать? А то! Только при одном ма-а-а-леньком условии: надо остаться живым. Всего-то! И банкет состоялся. В мае сорока пятого. Весной. Только не в Мурманске, а в Потсдаме. Для офицеров союзных войск. У рядовых бойцов-красноармейцев он начался намного раньше – у стен рейхстага и Бранденбургских ворот. Так получилось!

Не дают мне покоя фотографии попавшиеся в интернете. Особенно та, где расстреливают двух наших ребят на высоте 122,0 хребта Муста-Тунтури. Такое внутри завертелось, что одно понял – если не дам этому свою оценку, не успокоюсь. Нельзя такое замалчивать. И низкий поклон тем, кто даже сейчас, через семьдесят с лишним лет пытается восстановить имена павших тогда в Заполярье.

Творящимся сейчас в моей стране доволен не всегда. Но это наши разборки. Верю – порядок всё равно наведём. Вот только не надо извне вдалбливать то, что нам не вдалбливается. Характер или, как сейчас модно говорить, менталитет не тот. В нас ещё скифская кровь жива. А скифы, как известно по истории, были ребята не промах! Потому-то эти старые фотографии и рвут мне нервы. Простите историки за то, что не всё поднял из документов. Только те, что оказались доступны мне. Как историческая эта работа может и не имеет для вас такой ценности. Соглашусь. Просто давайте представим, что мы с вами можем сейчас дать слово тем, кто были участниками тех событий. Попробуем представить, что они могут на какое-то время вернуться в наш мир. Убитые без суда и следствия есть. Непосредственные исполнители тоже. Кому дадим первое слово? С кого и начнём?

А что тут думать? Давайте одному из них, командиру корпуса «Норвегия», и дадим первое слово. Что бы он мог рассказать о том событии? У него огромный список «заслуг» в этой войне перед рейхом. Он имеет кучу наград. Он близок к фюреру, который вне службы для него просто Адольф... да, давайте с него!

ЭДУАРД

Я не понимаю зачем меня выдернули из небытия? Война была давно. Сейчас уже двадцать первый век. Мои соотечественники в Германии, те, кто ещё умеют думать, стыдятся вспоминать тот период нашей истории. Я правда не разделяю их мнения. Мы с Адольфом, Гессом и другими соратниками, сознательно шли на «Мюнхенский пивной путч». Пусть даже вначале он и провалился. Но потом мы всё же подняли страну из всемирного унижения. Идеи национал-социализма, как мне кажется, были правильными. Да, в России мы проиграли. Но ведь после стольких побед в Европе у кого не закружится голова? Зачем я здесь? Что вас интересует? Кто я и что?

Я – генерал-лейтенант Эдуард Вольрат Христиан Дитль, командир корпуса «Норвегия» воевавшего в Заполярье. Родился в Бад-Айблинге в 1-го июля 1890 года в семье скромного баварского финансиста. И вся жизнь связана с армией. Вспоминать о том, что был фанен-юнкером в рейхсвере? Это не очень интересно. Лейтенантскую страницу тоже можно перевернуть. Всё было как у всех. В чине майора, был командиром 3-го горно-стрелкового батальона 19-го стрелкового полка. Интересное начинается с 1935 года. Тогда, получив погоны полковника, назначен командиром вновь сформированного 99-го горно-стрелкового полка. В апреле 38-го я уже генерал-майор и команду 3-й горно-стрелковой дивизией. Осенью 1939-го года мои мальчики получают боевое крещение в Польше. В 1940 – в Нарвике, Норвегия.

Не удивляйтесь тому, что я их мальчиками зову. А как по-другому? Во-первых, для меня – да. Во-вторых, не скрою, я у них пользовался огромным авторитетом и любовью. Да-да! Именно так! Посудите сами – столько лет служить в горных частях и не уметь ходить на лыжах? Не быть скалолазом? А по какому моральному праву я бы мог требовать это от своих подчинённых, если бы сам не умел! Кстати, очень горжусь тем, что Адольф, интерпретировав мою мысль, однажды сказал перед войсками: «Я не требую ни от одного германского мужчины больше того, что умею сам!»

Для своих мальчиков я старался быть не только командиром, но и отцом. Хотя по службе требовал от них полной отдачи. Всё, что они могут. В полном объёме. И более чем убеждён, что горные егеря были самыми элитными боевыми частями рейха. Напрашивается другой вопрос: почему эти «сверхэлитные части», да ещё с такой подготовкой, завязли в Заполярье на все четыре года войны? И проиграли там свою кампанию. Всё-таки герои Крита и Нарвика! До сих пор мне не понятно.

Наверное, и тоже этим горжусь, я был одним из полководцев, который первым получил чуть ли не под меня изготовленную новую награду! 19 июня 1940 года стал кавалером «Дубовые листья к Рыцарскому кресту». Убеждённый адепт национал-социализма, старейший член НСДАП, долго бывший в фаворе у Гитлера, я не спрашивал себя почему наши убеждения не всегда помогают на поле брани. Но почему, когда фронт в Лапландии застыл до конца войны там, где его остановили, мой друг Адольф не помог нам? Хотя... как он мог помочь? Как? Там, в центре России, шло гигантское взаимное уничтожение! Каждый солдат был на вес золота! Да и кто ожидал, что не подготовленные к войне в горах солдаты и матросы окажут такое яростное сопротивление? Это же нонсенс – их окружают, у них кончаются патроны, а они даже идут в атаку с винтовкой, как с дубинкой! Даже не единожды раненые... В цивилизованных странах солдаты в таких случаях сдаются. Но вы же по правилам воевать не умеете! Либо себе последняя пуля, либо себя и всех вокруг гранатой, либо один – один! – врукопашную на целый взвод. Бред! Так поступают только сумасшедшие.

У любого из наших тирольцев впереди светили награды, льготы... да мало ли, что можно наобещать солдату после победы? Вот поэтому многие из них и скрывали от камрадов мысль: «Если убьют, то ведь ничего не получу. Может зря не лезть на рожон? Поберечь себя?» Пожа-

луй, да! Только все в германской армии, имея за спиной кучу, как всем казалось, блестящих побед надеялись, что скорость, с которой мы везде наступали и здесь сыграет свою роль. Прогнозы казались более чем реальными.

Если посмотреть на карту полуостровов, то Малый Рыбачий и Средний, как огромный кулак висел над нашими наступающими войсками слева. Нельзя было просто оставить его в тылу. Мы прекрасно сознавали, что это единственная естественная позиция для защитников Мурманска. Важный естественный форпост. Можно ли было не обращать внимания на такую угрозу? Нет! Удар оттуда можно было ждать как с моря, так и с суши. Все передвижения кораблей проходили вдоль побережья. Где, кстати, тоже была мало-мальски приличная дорога. И тоже вдоль побережья. Для наших частей наступавших по другой, более проходимой дороге, это была явная фланговая угроза. Недооценивать её было нельзя. В любой оборудованной бухте можно ждать высадки десанта. Даже не глядя на то, что дорожки, дорожечки, тропинки на Рыбачьем нельзя было считать серьёзными коммуникациями. Но ведь они были! И это опасно. Стоял вопрос: либо по дороге на Мурманск одним рывком добиться победы более основательными силами, либо бросить войска на захват полуостровов Большой и Малый Рыбачий, которые соединяются ещё более узким перешейком, чем от Муста-Тунтури до Кутовой.

Как я просил у фюрера ещё одну дивизию! Тогда, взяв у неё полноценный полк, можно было конкретно блокировать угрозу с фланга, а другую её часть добавить к наступающим. И тогда, после взятия Мурманска, эти полуострова сами бы свалились нам в руки. Как приз. Но Адольф посчитал, что в корпусе «Норвегия» и так достаточно сил для выполнения задачи. Пришлось выкручиваться и экономить. Было принято решение блокировать угрозу с полуостровов небольшим количеством войск. Да и у вас их было не густо. Единственным плюсом русских была хоть какая-то дорога по побережью бухты Маатиувоно. И хребет её закрывал. Вот нам и пришлось часть войск использовать, как пеший транспорт. Волей-неволей надо блокировать хребет Муста-Тунтури на всём протяжении от бухты до русского лагеря в Кутовой.

Конечно же были попытки и с нашей, и с вашей стороны изменить положение к лучшему, но – увы! Ни у кого не было для этого достаточно сил. Поэтому мы решили, что взятие Мурманска имеет больший приоритет. И единственная дорога по которой можно было достичь цели та, которая не за хребтом. А воевать на Рыбачьем – значит вести бои в почти непроходимой скальной тундре с множеством мелких озёр и болот.

Теперь об этой фотографии. Что в ней особенного? Наш офицер и его егеря беседуют с пленными. На войне такое сплошь и рядом. И что? Утверждаете, что их расстреляли? Не возводите напраслину! Солдат рейха прежде всего рыцарь! И он никогда не позволит себе... а на других... Кажется, что это подготовка к расстрелу? Не может быть! А что там, под большим камнем? Неужели лежат те, с кем несколько минут назад мирно беседовали наши камрады? Откуда у Вас эти фото? Неужели они хранились у кого-то из горных стрелков? И почему сейчас их потомки разместили фотографии в сетях? Вы говорите было установлено, что командир отделения, выполнявшего приказ этого офицера, некто Колер? Откуда вам это известно? И утверждаете, что фотографии вначале передали в штаб 1-го батальона 136 полка, где командиром был майор Франц Хаук? Что только после они попали к полковнику Альбину Наке, командиру полка? Что это был своеобразный отчёт обер-лейтенанта Ганса-Вольфа Роде о военно-полевом суде? Выходит, они всё же расстреляли пленных? И это описано в мемуарах Ганса Рюфа «Горные стрелки под Мурманском»? Спорить не буду. Но мне об этом ничего не было известно!

Я никого не хочу оправдывать. Но, если мои егеря решили их расстрелять организовав полевой суд, то, для этого были веские причины. Значит ваши солдаты применяли какие-то, явно нерыцарские приёмы ведения боя. Осуждать своих мальчиков не могу. Мне ли вам говорить, что на войне бывают такие веские обстоятельства, которые иногда эти действия оправдывают. Повторяю – мне об этом никто не сообщал. До самой своей кончины я ничего не знал.

А погиб я не там, где воевал, а в Штирии. В горах. Авиакатастрофа. Был в ставке Адольфа на совещании в 1944 году. Он высказал мне недовольство ходом нашей кампании в Заполярье. Мне пришлось с тяжёлым сердцем после совещания лететь в войска. Но через Вену, так как со мной в попутчиках были несколько высших офицеров. Да и самому было бы неплохо день-два позволить себе пожить в цивилизации, прежде чем снова окажусь среди холодной тундры. Моему пилоту предложили обогнуть Альпы и лететь над равниной. Но я хорошо знал эту местность. Да и пилот был опытный. Пусть у него была небольшая практика полётов в горах, но «Юнкерс-52» был тихоходной и надёжной машиной. Все надеялись, что моё знание местности поможет. Да и я сам был уверен в этом. И пилот выполнил мой приказ. Мы полетели кратчайшим маршрутом.

Оставив позади Юденбург, легли курсом вдоль железной дороги Земмеринг-Мюрцушлаг. Там рельеф местности повышается. Но никто не знал, что понизится облачность. Безопасно пролетев над одной грядой мы и попали в низкое облако. Пилот слишком поздно отвернул от вынырнувшего перед нами пика. И самолёт, зацепив несколько деревьев, рухнул. Так все и погибли: я, пилот, и офицеры летевшие со мной в Вену. Моя любовь к горам на сей раз подвела. Вот, пожалуй, и всё. Так что про тот расстрел ясности внести я не могу.

СЕРЖАНТ

Я знал, что меня найдут. Знал. Пусть через какое-то время, но найдут всё равно. Вот стою под дулами карабинов егерей, а уверенность эта не уходит. Меня же на своей земле расстреляют. Это не снарядам в клочья. А вот тебя, офицер, с твоими егерями, вряд ли найдут. Заполярная тундра, хоть сплошь каменная и болотистая, да большая. И кости наши потом на местах боёв вперемешку будут лежать. И наши, и ваши. Поэтому и не всех сумеют найти. А про вас и говорить нечего. Нас с Серёгой расстреляют отдельно. Вон он стоит, Серёга. Жаль на фотографии какой-то фриц ему пол-лица рукой закрыл. Меня-то видно хорошо, да только личность моя настолько русская... Таких лиц по России немеряно. Опознать по нему будет трудно. А может и родовой моей давно уже нет в живых? Может и искать будет некому? Когда эти фото выложат в интернете пройдёт семь десятков лет с хвостиком. А понятия «интернет» мы не знали, и не слышали в то время.

Вообще-то этому офицеру с одной стороны можно и спасибо сказать. Это он дал команду одному из своих фотографировать военно-полевой суд, что они сгношили. И стою я на одной из них – руки в боки. Орлом стою. Что внутри, в душе – не важно. И пока до залпа это всё не воспринимается осознано. Ну, приговорили... Ну, расстреляют... Умом соображаю, что нам с Серёгой не жить больше. Страх конечно есть. Только где-то там. Он пока ещё не реален. Видимо промелькнёт только тогда, когда пули ударят, а мы с Серёгой в последний момент бросимся навстречу друг другу. Как бы ища опоры. И померкнет свет.

Две глупости сотворил я пока был жив. Сообрази тогда в чём дело может и сложилось бы всё по-другому. Когда плотный туман с моря накрыл нашу позицию я удивился. Чего это фрицы распелись? То справа, то слева от нас. Как же я, старший в засаде, тогда не понял. Пусть и немецкого не знал, а догадаться бы смог. А с другой стороны – как догадаешься? Раньше-то с егерями не сталкивались. Да и война в Заполярье идёт всего второй день. А если по времени, то первую ночь. Первый раз с такой «самодеятельностью» столкнулись. Красиво пели, суки. С переливами. В таком плотном тумане других сигналов у них и не получилось бы. Это теперь мне ясно, что так они договаривались об атаке. А когда толпой с разных сторон вывалились из тумана, то и задавили нас в рукопашной. Их же больше было. И то мы не бесплатно рассчитались. Кровушку тоже пустили фрицам как надо!

Вторая глупость: не заполнил «смертельный» медальон. И вот каким боком оно повернулось! Среди наших примета ходила – стоит только заполнить медальон, то обязательно убьют. Хрень, конечно. Только из-за неё так и останусь сержантом. Как говорится в таких случаях, «без отца, без матери, без родины и флага». А по большому счёту – за флаг и Родину сейчас, твари, расстреляют. Такая вот проза. Серёга заполнил свой. Он всегда по службе аккуратистом был. Исполнительный. По медальону его и опознают, а меня...

Офицер представился. Вежливый, сволочь! Обер-лейтенант Ганс-Вольф Роде. Один из них малость по-нашему «шпрыхал». Он и переводил. Нас обвинили в том, что по-рыцарски воевать не умеем. Говорил, что всегда на войне враг сдаётся, если окружён. Или при явном численном преимуществе. Потому, по их убеждению, тогда сопротивление бесполезно. Так всегда поступают в Европе. Утверждал, что этот бой показал – гуманизм и мы понятия не совместимые. И цивилизованные люди – не мы. А так, как военных юристов сейчас нет, то роль судьи он берёт на себя.

Он толкует, а я стою и думаю: «Кто тебя сюда звал? Ты сам-то каким боком здесь? Мы своё обороняем. Согласно присяге и совести. Вы-то какого хрена сюда припёрлись? Из каких таких соображений?»

А он своё талдычит – подлежите расстрелу на месте преступления. По чьим это правилам? По вашим? Сволочь ты конченная, обер-лейтенант!

Вот он на фотографии. Пальцем показывает куда нам встать. К тому большому камню, что на собачью голову похож. Сохранится он, каменюга. По нему и определяют потом поисковики, где нас порешили.

Да, туман им конкретно помог. Принесло же его! Кто же думал, что они в таком «молоке» в атаку пойдут? Опытные видать ребята. Одно слово – егеря! Воевать в таких условиях их наверняка обучали. На моё отделение почти рота навалилась. Хоть и видимость была рукой подать, а не побоялись. Когда тумана не было они пытались в открытую атаковать. Мы их тогда хорошо причесали из пулемётов. Не взяли бы они нашу высоту никогда. Ни с какой же стороны не подойти! А тут туман! Вот непруха, расхрестить в царя хрести! Числом и задавили. Вzbесило их, что не подняли руки в гору! Не ожидали они такого. Резня была открытая. А как иначе? Нам выхода другого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.